
Алина Янак

ТИПОЛОГИЯ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ: АНАЛИЗ АКТУАЛЬНОЙ ПОВЕСТКИ

В 2024 г., объявленном Годом семьи, семейно-демографическая повестка в российском информационном пространстве существенно расширилась. В медиaprостранстве активно обсуждались различные инициативы и предложения, направленные на изменение семейных и репродуктивных практик. Многообразие инициатируемых дискуссий и предлагаемых мер требует систематизации и аналитического осмысления. С этой целью в апреле 2025 г. автором проведено исследование методом контент-анализа, направленное на выявление основных сюжетных линий в новостном и аналитическом сегментах Telegram, посвященной семейно-демографической политике. Статья содержит анализ публичного дискурса о мерах воздействия на семейно-демографическое поведение в современной России. Эмпирической базой исследования послужили материалы федеральных и региональных средств массовой информации, экспертные комментарии и публичные заявления представителей органов власти и других акторов, опубликованные в 2024–2025 гг. Анализ медийных сюжетов позволил реконструировать ключевые линии обсуждения демографической политики и определить логики, через которые различные инициативы интерпретируются в публичном пространстве. Методологически работа опирается на дискурсивный анализ и использует концептуальные подходы к изучению механизмов власти и управления социальным поведением, в частности идеи М. Фуко о дисциплинарных и правительственных практиках. В результате анализа выделены три основных типа мер воздействия на семейно-демографическое поведение: принудительные, манипулятивные и убедительные. Принудительные меры связаны с инициативами, предполагающими прямое или косвенное

Алина Леонидовна Янак — к.социол.н., в.н.с., доцент, кафедра общей социологии и социальной работы, факультет социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия. Электронная почта: alinayanak91@yandex.ru

ограничение индивидуального выбора в сфере семьи и репродукции и выполняющими функцию обозначения границ допустимого поведения. Манипулятивные меры реализуются через символическое управление и конструирование социально одобряемых моделей семейной жизни, включая популяризацию традиционных ценностей, брачности и многодетности. Убедительные меры ориентированы на улучшение реальных условий жизни семей и включают инициативы в сфере жилищной политики, здравоохранения, образования и социальной поддержки. Показано, что современный демографический дискурс формируется в условиях конкуренции различных акторов и интерпретаций демографических проблем. Медиапространство выступает площадкой символической борьбы между альтернативными подходами к регулированию семейно-репродуктивного поведения, а обсуждение инициатив нередко выполняет функцию «зондирования» границ допустимого вмешательства в частную сферу семьи. Предложенная типология позволяет систематизировать разнообразные меры демографической политики и лучше понять логику формирования публичной повестки в этой области.

Ключевые слова: семейно-демографическая политика, демографический дискурс, медиаповестка, репродуктивное поведение, меры воздействия

Цитирование: Янак А. Л. (2026) Типология мер воздействия на семейно-демографическое поведение: анализ актуальной повестки. *Журнал исследований социальной политики*, 24 (1): 67–86.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-67-86

В статье представлены результаты второй части исследования медиадискурса демографической политики, включающего три аналитических этапа. На первом, количественном, этапе проведен контент-анализ сообщений двух *Telegram*-каналов — РБК.Новости.Главное и агрегатора ЕЖ¹, различающихся по редакционной логике и способам репрезентации повестки. В выборку вошли 966 сообщений (объем базового словаря — более 95 тыс. слов), опубликованных с 1 января 2024 г. по 31 марта 2025 г., то есть от начала Года семьи до подведения его первых итогов. Канал «РБК.Новости.Главное» агрегирует преимущественно новостной контент и официальные заявления представителей власти и может быть отнесен к условно «системным» источникам информации. В свою очередь, канал «ЕЖ» сочетает новостные сообщения с репостами аналитических материалов и авторских комментариев экспертов и представляет собой неформальный информационный агрегатор. В анализ включены новости, репосты, экспертные комментарии и публичные высказывания политических и общественных деятелей о семье и демографической ситуации, отобранные по тегам «семья», «демография», «рождаемость», «роды», «репродукция»,

¹ Включен в реестр иностранных агентов РФ

«беременность», «дети», «родители», «брак», «развод». Обработка данных с использованием лексико-семантического анализатора «Лекта» (разработка НИСОЦ, Н. Новгород) позволила построить 34-факторную (сюжетно-тематическую) модель повестки с объясняющей способностью 33%.

На втором, качественном, этапе применен дискурсивный анализ, в рамках которого выделенные на предыдущем этапе факторы (сюжеты) сгруппированы по доминирующей логике аргументации различных инициатив и нововведений в анализируемом медиапространстве. На третьем, теоретическом, уровне полученные дискурсы интерпретируются с использованием концепции биополитики М. Фуко. Если первая часть исследования посвящена анализу того, как в медиапространстве формируется семейно-демографическая повестка (Янак 2025), то в данной статье рассматривается следующий уровень дискурса — способы легитимации мер воздействия на семейно-демографическое поведение. В центре внимания находятся «специфические» сюжеты-факторы, отражающие различные дискурсивные стратегии аргументации.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: каким образом в медиапространстве конструируются и легитимируются различные способы воздействия на семейно-демографическое поведение граждан. Анализ сосредоточен на противоречиях между различными логиками регулирования демографического поведения. С одной стороны, в публичном дискурсе присутствуют предложения запретительных и манипулятивных мер. С другой — артикулируется запрос на социальную поддержку семьи. Рассмотрение этих напряжений позволяет выявить, какие модели воздействия государства на семейно-демографическое поведение оказываются наиболее легитимными в медиапространстве.

Режимы регулирования демографического поведения в медиадискурсе

Анализ медиадискурса показывает, что обсуждение демографической политики в публичном пространстве строится вокруг разных представлений о допустимых способах воздействия на семейно-демографическое поведение. В новостных сообщениях, комментариях экспертов и высказываниях политиков регулярно артикулируются различные предложения и инициативы, направленные на изменение брачного и репродуктивного поведения граждан. Эти предложения опираются на разные логики регулирования. В одних случаях демографическое поведение рассматривается как объект административного контроля и ограничений. В других — как сфера, на которую можно воздействовать через экономические стимулы, символические послания или моральные апелляции. Наконец, в ряде высказываний акцент переносится на социальную поддержку семьи и создание условий, способствующих рождению детей.

Для анализа этих различий в статье используется типология дискурсивных режимов воздействия на семейно-демографическое поведение. В медиапространстве можно выделить три основных типа аргументации: принуждение, манипуляция и убеждение. Эти категории рассматриваются не как этическая или нормативная оценка предлагаемых мер, а как операциональные, аналитические модели, отражающие различные способы легитимации попыток государственного воздействия на демографическое поведение. Дальнейший анализ показывает, как в медиадискурсе обосновываются эти режимы регулирования и какие конкретные меры связываются с каждым из них.

Выделенные факторы объединяют сюжеты медиадискурса, в которых обсуждаются способы влияния на семейно-демографическое поведение граждан. Под этим поведением понимаются практики заключения брака, рождения детей и организации семейной жизни (Синельников 2022). В публичных обсуждениях эти практики все чаще рассматриваются как сфера, на которую может воздействовать государственная политика. В анализ также включены инициативы, направленные на поддержку семьи и снижение социальных рисков, связанных с родительством и воспитанием детей. Речь идет, например, о мерах профилактики подростковых девиаций, обеспечении доступа к образованию, развитию инфраструктуры родовспоможения и охраны репродуктивного здоровья. Такие инициативы задают более широкий социальный контекст, в котором принимаются решения о создании семьи, рождении и воспитании детей, и входят в число приоритетов семейной и демографической политики РФ на ближайшее десятилетие (Распоряжение... 2025).

В исследованиях демографической политики обычно используются классификации, основанные на типах ее инструментов: административно-правовых, экономических или социально-психологических (Загорец, Загорец 2014; Багирова 2021). В данной работе применяется другой подход. Здесь анализируется не столько набор инструментов, сколько логика аргументации, через которую в медиапространстве обосновываются предлагаемые меры. Такой подход позволяет увидеть, как разные акторы публичной политики (парламентарии, чиновники, представители церкви, общественные деятели и эксперты) объясняют необходимость тех или иных инициатив и каким образом пытаются их легитимировать. В медиадискурсе можно выделить три основные стратегии аргументации: принуждение, манипуляция и убеждение (Биккинина 2025; Пивоваров 2024). Теоретической рамкой анализа выступает концепция биополитики М. Фуко, согласно которой современные государства стремятся управлять демографическими процессами через регулирование жизненных практик населения (Фуко 2010).

В этой логике медиаповестка рассматривается не как прямое отражение государственной политики, а как пространство публичного обсуждения и апробации возможных решений. Здесь различные акторы предлагают инициативы, тестируют общественную реакцию и формируют

представления о допустимых направлениях семейно-демографической политики (Пономарев 2013). Ниже представлены результаты контент-анализа (представлены статистически значимые лексемы и тематические факторы-сюжеты) и дискурс-анализа (факторы-сюжеты интерпретированы как три режима аргументации) (табл.).

Таблица

Сюжеты медиадискурса о мерах демографической политики

<i>Название фактора</i>	<i>Основные смысловые индикаторы (лексемы)</i>	<i>Регистр</i>
Принудительные меры семейно-демографической политики		
Антиабортная кампания	Бог, закон, ответственность, убеждать, беременность, аборт, склонение	+
Запрет пропаганды бездетности	чайлдфри, пропаганда, запрет, отказ, деторождение, квадробер, информация	-
Налог на бездетность	налог, бездетность, правительство, обсуждение, финансы, обеспечение	-
Проблема домашнего насилия	публичный, суд, наказание, штраф, домашний, насилие	+
Запрет на усыновление российских детей	иностранцы, усыновление, ограничение, граждане, опека, российский	-
Практики принуждения	стабильность, время, принуждение, борьба, общественный	+
Профилактика девиаций подростков	центр, подростки, буллинг, несовершеннолетние, профилактика	+
Манипулятивные меры семейно-демографической политики		
Традиционные ценности	1) традиционный, ценности, культура, идеология, укрепление, общество, советский, установки; 2) город, работа, территория, политика, девушки, молодежь, юноши	-/+
Брачность	религия, брак, супруги, жена, муж	+
Сохранение семей	консультации, психолог, развод, пара, обязательство, сохранение	-
Снижение возраста рождения первенцев	матери, материнский капитал, возраст, ребенок, рождение, первенец; мама, совет, студентки, роды, пособия	+
Репродуктивное здоровье	ВРТ, риски, исследования, мужчины, медики, женщины, оценка, пациенты, фертильный, заболевание, обследование, здоровье, репродуктивный	+

<i>Название фактора</i>	<i>Основные смысловые индикаторы (лексемы)</i>	<i>Регистр</i>
Популяризация образа многодетной семьи	приоритет, многодетные, поколение, образ, реклама	+
Школа как субъект «манипуляций»	семьеведение, школьник, священник, школа, церковь, активно	–
Убедительные меры семейно-демографической политики		
Жилищные программы	дом, кредит, квартира, рынок, строить, расширение, жилье, льгота, программа, ипотека, жилищный, услуга, субсидия, доступный, улучшение.	+/-
Уровень жизни семей	сумма, россияне, зарплата, реальный, расходы, бедный, питание, долг, инфляция, домохозяйство, Центробанк, доход, уверенность, социологи, материальный, жизнь, государство, интересы, социальный, выплаты, рубли	+/-
Поддержка участников СВО и их семей	деньги, муниципальный, бесплатный, земельный участок, бойцы, военнослужащие, участники, СВО	+
Здоровьесбережение и здравоохранение	роддом, контроль, ведомство, страхование, здравоохранение, частный, медицина, клиники	+
Образование детей	дополнительный, увеличение, бюджет, образование, ВУЗ, обучение	+

Примечание. Для извлечения факторов использовался метод Varimax. Входными данными служила матрица контент-анализа, сформированная на основе частотного распределения лексико-семантических единиц в массиве сообщений. Присвоение регистра происходит автоматически в ходе математической обработки матрицы частот лексем, тогда как его интерпретация носит аналитический характер и отражает доминирующую тональность обсуждения соответствующего сюжета в медиадискурсе: «+» — преимущественно поддерживающая аргументация; «-» — преимущественно критическая аргументация; «+/-» — смешанная или поляризованная тональность. Смешанный регистр может указывать на наличие разнонаправленных связей и противопоставлений внутри одного фактора.

Дискурс принуждения в обсуждении демографической политики

К принуждению в этой работе отнесены высказывания, в которых семейно-репродуктивное поведение предлагается регламентировать с помощью запретов, ограничений и санкций. В этих сюжетах семейно-демографическое поведение рассматривается как объект прямого или косвенного государственного регулирования. Аргументация в пользу

подобных мер строится вокруг необходимости преодоления демографического кризиса, обеспечения национальной безопасности и защиты традиционного семейного уклада.

В медиадискурсе такие инициативы не всегда оформлены как уже принятые решения. Часть из них существует на уровне предложений, экспертных оценок или политических заявлений. Однако именно через обсуждение подобных инициатив формируется представление о допустимых границах государственного воздействия на сферу семейно-репродуктивного поведения.

В анализируемых сообщениях можно выделить несколько основных способов легитимации принудительных мер. Во-первых, это апелляция к демографической угрозе. Демографический спад интерпретируется как системный риск для развития страны, что делает допустимым более активное участие государства в сфере регулирования репродуктивного поведения. Во-вторых, используется аргумент защиты традиционных ценностей и культурных норм. В рамках этой логики определенные формы поведения трактуются как противоречащие историческому и культурному укладу российской семьи. В-третьих, легитимация строится через идею социальной ответственности государства за демографическое будущее страны. В этом случае ограничительные меры представляются как инструмент поддержания демографической стабильности и профилактики социальных рисков.

Одним из наиболее заметных сюжетов в этой группе является очередная реанимация антиабортного вопроса (Чернова, Шпаковская 2021). В публичном дискурсе она сопровождается апелляциями к необходимости повышения рождаемости, формированию более ответственной культуры родительства и *«идеологической перепрошивке информационной повестки»* (В. Шумков, РБК..., 13.12.2024). В обсуждениях также используются религиозно-гуманистические аргументы, например, послание РПЦ беременным женщинам, находящимся в ситуации репродуктивного выбора, где подчеркивается, что ребенок является даром Божиим.

В 2024 г. антиабортная кампания приобрела более институционализованный характер. В ряде регионов введены меры, направленные на ограничение практики искусственного прерывания беременности: установлена ответственность за склонение женщин к аборту, ограничен оборот препаратов для медикаментозного прерывания беременности, внедрены методические рекомендации по доабортному консультированию. В женских консультациях вводятся обязательные консультации психолога, а также специальные «речевые модули» для общения врачей-гинекологов с пациентками, сомневающимися в сохранении беременности (ЕЖ, 23.01.2025).

Другим примечательным направлением дискурса принуждения стало обсуждение запрета пропаганды отказа от деторождения (Федеральный закон 2024b). В медиапространстве данная мера объясняется не только поиском решений демографических проблем, но и противоречием подобных

установок российским традиционным семейным ценностям. В ряде высказываний отказ от рождения детей интерпретируется как элемент внешнего идеологического давления. Так, в публичных обсуждениях звучит тезис о том, что «...пропаганда чайлдфри, движения, которое... распространено среди западных элит, для нас дикая и угрожает государственности» (А. Журавлев, ЕЖ, 26.09.2024). При этом отсутствие четких критериев того, что следует считать пропагандой отказа от деторождения, становится предметом критики. Представители правительства предлагали предусмотреть исключения для особых обстоятельств, например в случае зачатия в результате изнасилования или религиозного celibата. Экспертные оценки также указывают на относительно небольшой масштаб явления: по данным Росстата, осознанная бездетность характерна для 2,4% женщин и 3,5% мужчин (Росстат 2022). Тем не менее обсуждение продолжилось в контексте идеи создания реестра деструктивных идеологий и практик, куда могут быть включены различные формы отрицания ценности семьи, брака и многодетности (Учебный комитет РПЦ 2025).

В медиадискурсе принуждение проявляется и в сюжетах, связанных с регулированием семейных отношений и защитой детей. На фоне заявленной государством политики поддержки семьи вновь актуализируется тема домашнего насилия. В декабре 2024 г. партия «Новые люди» подготовила законопроект об ответственности за оправдание или пропаганду домашнего насилия (Парламентская газета... 2024). Поводом для обсуждения стала статистика зарегистрированных случаев подобных преступлений: например, в 2022 г. зафиксировано около 158 тыс. эпизодов домашнего насилия. В публичном пространстве эта тема сопровождается апелляциями к общественной нетерпимости к физическому насилию между супругами и наказаниям детей, а также признание проблемы со стороны высших лиц, включая Уполномоченного по правам человека РФ (РБК..., 19.06.2024). Одновременно данная проблематика сопровождается критическими высказываниями представителей РПЦ, которые предупреждают о рисках внешнего вмешательства во внутренний уклад семьи и обозначения семьи как «опасного места» (иерей Ф. Лукьянов, ЕЖ, 07.01.2024). Дискуссия усиливается отсутствием поддержки законопроекта со стороны Правительства РФ и затягиванием сроков его рассмотрения в Госдуме.

Еще одним примером ограничительной логики является запрет на усыновление российских детей гражданами государств, разрешающих смену пола (Федеральный закон 2024а). Этот сюжет развивается на фоне ухудшения ситуации с усыновлением в России: снижается число граждан, готовых принять ребенка в семью, фиксируются случаи возврата детей в учреждения, сохраняется уровень «преступных деяний по отношению к детям со стороны опекунов». В этой связи сенатор А. Гибатдинов и председатель комитета Государственной думы РФ по защите семьи Н. Останина предложили ограничить количество детей, передаваемых под опеку одной семье, тремя (РБК... 19.11.2024).

Наконец, отдельную группу сюжетов образуют инициативы по профилактике подростковых девиаций. Эти меры находятся на пересечении практик принуждения и манипуляции, однако значительная часть предлагаемых решений опирается именно на административные механизмы регулирования. Так, разработан законопроект, вводящий понятие «*организаторы травли*» и обязывающий школы сообщать о подобных случаях в комиссии по делам несовершеннолетних, а также обеспечивать пострадавшим психологическую помощь (ЕЖ, репост канала Коммерсантъ, 16.02.2025). Дополнительно обсуждается активизация работы центров временного содержания МВД РФ для несовершеннолетних и использование других возможностей ведомства для пресечения правонарушений. В публичных обсуждениях также поднимается вопрос о регулировании медиапотребления детей. Предлагается ввести прокатные удостоверения для видеоигр и ограничить доступ несовершеннолетних к видеоиграм или Интернету в целом (Я. Лантратова, РБК... 10.12.2024; Н. Останина, РБК... 05.02.2025). Эти инициативы вписываются в более широкий дискурс ограничительной политики государства в отношении деструктивного контента.

Таким образом, факторы-сюжеты «принуждения» формируют в медиадискурсе представление о демографической политике как сфере допустимого административного вмешательства в индивидуальный репродуктивный выбор. При этом обсуждение подобных инициатив демонстрирует заметную фрагментацию позиций различных акторов. С одной стороны, часть политиков, представителей региональной власти и РПЦ выступает за более жесткие меры регулирования: запрет аборт, налогообложение бездетности, ужесточение требований к усыновлению или отказ от криминализации домашнего насилия. С другой стороны, эксперты, отдельные парламентарии и представители политических партий нередко занимают более сдержанную, рациональную позицию. Так, Государственная дума РФ не поддержала законопроект о запрете абортов в частных клиниках. Предложения о введении налога на бездетность также вызвали резкую критику: С. Миронов назвал эту инициативу «*людоедством, граничащим с экстремизмом*» (ЕЖ, репост РИА Новости, 14.10.2024), а В. Даванков — «*страшилкой*» (ЕЖ, репост канала В. Даванкова, 06.10.2024). В качестве альтернативы подчеркивается необходимость расширения возможностей для семей: повышения доступности жилья, медицинской помощи, детских садов и школ, роста доходов и уверенности в будущем. Амбивалентность данной группы факторов проявляется и в распределении регистров оценки. Наиболее критикуемые инициативы получают отрицательную смысловую нагрузку, тогда как часть сюжетов имеет положительный регистр. В частности, положительный регистр фактора «Антиабортная кампания» связан с тем, что сокращение числа искусственных прерываний беременности закреплено среди задач государственной семейно-демографической политики (Распоряжение... 2025).

Это придает соответствующим инициативам нормативную легитимность в публичном дискурсе.

Манипуляция как режим регулирования демографического поведения

К манипуляциям в данной работе отнесены дискурсивные стратегии символического воздействия на семейно-демографическое поведение. В отличие от режима принуждения, они не предполагают прямых запретов или санкций. Воздействие осуществляется через апелляцию к традиционным духовно-нравственным ценностям, социально одобряемым моделям поведения и маргинализацию альтернативных семейных практик, таких как бездетность, сожительство или развод. В этих сюжетах государственная демографическая политика представляется не столько как система прямого регулирования, сколько как проект формирования «правильных» жизненных установок. Центральное место в этой логике занимает представление о семье как о базовой социальной норме, а о браке и деторождении — как о социально желательном жизненном сценарии.

Легитимация символического воздействия в медиадискурсе строится прежде всего через апелляцию к традиционным духовно-нравственным ценностям. Государство активно продвигает идею их возрождения и сохранения, причем их описание во многом совпадает с нормативными представлениями о семье, характерными для советского периода примерно 1970-х гг. В семейной сфере к таким ценностям прежде всего относятся официальный брак и (много)детность. В рамках этой логики демографическая политика интерпретируется как задача не только материальной поддержки семей, но и формирования культурных установок, стимулирующих рождение детей и укрепление института брака. Тем самым символическое влияние становится важным инструментом демографической политики, дополняющим экономические и административные меры.

Одним из ключевых направлений такого дискурса является тема брачности и укрепления традиционных основ семьи. В медиaprостранстве она развивается вокруг нескольких сюжетов. Среди них — рассмотрение религиозного многоженства духовным управлением мусульман, рекомендации направлять разводящиеся пары с детьми на консультирование к семейному психологу, обсуждение поправок о праве развода мужей с беременными женами, в случаях, если ребенок не является общим, а также предложение закрепить в Семейном кодексе РФ понятие *«интересы ребенка»* для сохранения цивилизованных отношений между родителями после развода. В эту же группу входит обсуждение законопроекта о закреплении статуса *«студенческих семей»*, направленного на стимулирование регистрации браков среди молодежи. При этом проблема высокой разводимости нередко рассматривается в контексте злоупотребления социальными трансфертами.

В публичных обсуждениях упоминаются случаи фиктивного расторжения брака ради снижения среднедушевого дохода семьи и получения социальных пособий и субсидий (Н. Останина, РБК..., 22.10.2024).

Другим важным направлением манипулятивного дискурса является идея «омоложения» родительского дебюта. Она основана на предположении, что более раннее рождение первого ребенка увеличивает вероятность появления последующих детей. Несмотря на перенос материнского капитала на первенцев, проблема поздних рождений сохраняется. В этой связи ряд регионов ввел дополнительные выплаты и так называемые «жилищные капиталы», где ключевым условием получения поддержки стал возрастной ценз. Во многих субъектах РФ возрастные ограничения дополняются образовательным критерием: студенты очной формы обучения в вузах и учреждениях СПО, состоящие в браке, получают доступ к дополнительным мерам поддержки, включая студенческие капиталы и пособия для беременных студенток. Комитет Государственной думы РФ по молодежной политике инициировал законопроект о предоставлении студенческим семьям отдельных комнат в общежитиях, что должно повысить мотивацию к родительству (Российская газета 2025). Министерство труда и социальной защиты предложило увеличить размер декретного пособия для студенток до величины регионального прожиточного минимума (Федеральный закон 2025). Особый резонанс вызвало распространение стимулирующих мер на школьников. Эта инициатива вызвала широкую общественную дискуссию и в дальнейшем была интерпретирована как поддержка в «*кризисной ситуации*» (ЕЖ, репост канала Т. Буцкой, 24.03.2025).

Одно из направлений манипулятивного дискурса связано с формированием установок на повышение «интенсивности рождений» и подготовку будущих родителей к рождению детей. На фоне снижения числа женщин фертильного возраста государственная политика все чаще обращается к поиску демографических резервов. В качестве такого резерва рассматриваются «*семьи возрасте 30–40 лет, воспитывающие одного или двоих детей*» (РБК..., 26.02.2025). В этой логике акцент смещается с количественного увеличения числа потенциальных матерей на стимулирование рождения последующих детей.

Данная повестка дополняется обращением к теме репродуктивного здоровья населения. В стратегических документах забота о репродуктивном здоровье граждан включена в число задач национального развития (Распоряжение... 2025). В рамках этой линии в программу диспансеризации по полису ОМС включена оценка репродуктивного здоровья женщин и мужчин в возрасте 18–49 лет (Письмо... 2024). В публичной риторике подобные меры сопровождаются подчеркнуто позитивной аргументацией: речь идет о бесплатной проверке здоровья, раннем выявлении факторов риска и заболеваний, влияющих на способность к зачатию и вынашиванию ребенка, профилактике нежелательных беременностей, а также о возможности своевременного направления

на дополнительное обследование и лечение, включая терапию бесплодия и использование вспомогательных репродуктивных технологий.

Параллельно формируется и символическое продвижение модели многодетной семьи. В начале 2025 г. в Госдуму РФ внесен проект поправок в ФЗ «О рекламе», предусматривающий использование рекламодателями образа многодетных семей. Эта инициатива вписывается в более широкую политику популяризации многодетности как «*философии жизни*» и изменения «*отношения к многодетным как людям социально неуспешным*» (А. Никитин, РБК..., 18.12.2024). Подобные инициативы соотносятся с курсом на укрепление социальной защиты и поддержки многодетных семей (Указ... 2024).

Важными трансляторами нормативных моделей семейного поведения в этом дискурсе выступают школа и церковь. В медиапространстве эта тема получила развитие, в частности, в связи с обсуждением в религиозных кругах запрета преподавания теории Дарвина в школах. На фоне дискуссий о том, соответствует ли теория Дарвина традиционным духовно-нравственным ценностям, усиливается и образовательный компонент семейной политики. В школах вводятся курсы «Основы семейной жизни» или «Семьеведение», а также регулярно проводятся занятия «Разговоры о важном», посвященные теме создания крепкой семьи и приуроченные к дням матери и отца.

Несмотря на активное использование символических механизмов воздействия, манипулятивный дискурс демонстрирует внутренние противоречия и уязвимость. Продвигаемые нарративы нередко расходятся с реальным положением дел. С одной стороны, большинство россиян уже декларирует приверженность «традиционным» установкам, таким как дом, семья, вера, и ценностям счастья, любви, радости и свободы. В этих условиях транслируемые государством идеалы могут превращаться в инструмент управления смыслами, который «*может сработать разово, политтехнологически, но быстро ведет к выгоранию, так как ценностный пакет все равно остается прежним*» (ЕЖ, репост канала The Гращенко, 08.01.2024). Дополнительную сложность создает различие интерпретаций происходящих процессов. Одни акторы (прежде всего отдельные федеральные органы власти, парламентарии, представители РПЦ и главы регионов) описывают их как «*возрождение традиционных ценностей*». Другие (политологи и представители профильных ведомств) — используют термины «*неотрадиционализация*», «*неоконсерватизм*» или «*неосоветизация*». Кроме того, резонансные высказывания отдельных политиков («*дети кормят сами себя*», «*женщина должна рожать*») и спорные инициативы нередко приводят к тому, что идея традиционных семейных ценностей в экспертном дискурсе ассоциируются с архаикой.

В результате символическая риторика часто выполняет функцию компенсации ограниченных ресурсов социальной политики. Апелляции к ценностям и культурным нормам позволяют частично амортизировать дефицит бюджетных и институциональных возможностей и переключать

внимание общества с структурных проблем демографического развития. Своеобразным «мостом» между символическими нарративами и практической реализацией политических решений выступают федеральные и региональные профильные министерства, которые переводят ценностные установки в конкретные программы и меры поддержки.

Дискурс убеждения: улучшение условий жизни семей

Убедительные меры в публичной повестке связаны прежде всего с решением «насуточных» проблем семей: улучшением жилищных условий, повышением экономической устойчивости домохозяйств, укреплением здоровья и расширением доступа детей к образованию.

Одной из наиболее обсуждаемых тем остается жилищный вопрос. По оценкам, около 80% молодых семей нуждаются в улучшении жилищных условий (ТАСС, 11.02.2024). При этом эксперты и комментаторы обращают внимание на противоречие между демографическими задачами государства и реальными условиями проживания: компактное жилье в новых жилых комплексах нередко рассматривается как фактор, сдерживающий рождение детей: *«45-метровые клетки в "человейниках" только дестимулируют рождаемость»* (ЕЖ, репост канала К. Двинского, 27.01.2025). Критике подвергаются и попытки сворачивания льготных ипотечных программ на фоне высоких цен на жилье и кредитных ставок, а также недостаточность доходов семей для обслуживания ипотечных кредитов. В этих условиях в публичном пространстве активно обсуждаются различные формы жилищной поддержки семей. Президентом РФ было дано поручение продлить программу семейной ипотеки со ставкой не выше 6% для семей с детьми до шести лет. Кроме того, циркулируют предложения о предоставлении скидок на более просторное жилье для семей, в которых рождается второй или последующий ребенок (А. Ниденс, ЕЖ, 05.10.2024), расширении субсидий на покупку или строительство жилья для молодых семей, увеличении размера доступных кредитов, а также предоставлении социального жилья с возможностью последующей приватизации.

Отдельным направлением развития семейной политики становится расширение мер поддержки участников боевых действий и их семей. В публичной повестке активно обсуждаются инициативы, направленные на повышение социально-экономической защищенности военнослужащих и их близких. Начиная с 2024 г. на федеральном и региональном уровнях объявлены или закреплены новые меры поддержки: оплата детских садов и лагерей, школьного питания для детей участников спецоперации; предоставление земельных участков ветеранам и семьям погибших; компенсации расходов на лечение, включая санаторно-курортное; дополнительное пенсионное обеспечение супругам и детям погибших военнослужащих, награжденных государственными наградами (Федеральный закон 2024с).

Подобные инициативы в дискурсе семейной политики нередко интерпретируются как элемент более широкой стратегии повышения благополучия семей и создания условий для рождения и воспитания детей. В публичных обсуждениях, например, высказывается предположение, что после завершения военных действий возвращение фронтовиков может стать фактором роста рождаемости (Д. Белоусов, ЕЖ, 10.03.2025). Одновременно в медиапространстве фиксируются и потенциальные социальные последствия участия в боевых действиях. Эксперты обращают внимание на возможный рост разводов в семьях ветеранов, страдающих посттравматическим стрессовым расстройством (К. Мишонова, Московский комсомолец, 09.03.2025), а также на риски репродуктивного здоровья военнослужащих (В. Гладышев, ЕЖ, 09.10.2024). Эти обсуждения подчеркивают, что эффективность подобных мер во многом зависит от способности социальной политики учитывать долгосрочные последствия военного опыта для семейной жизни.

В целом дискурс убедительных мер воздействия строится на признании прямой связи между уровнем благосостояния семей и демографическим поведением. Рост рождаемости в этой логике невозможен без улучшения социально-экономических условий жизни. При этом именно семьи с детьми чаще оказываются в группе повышенного риска бедности. Как отмечают эксперты *«Рождение ребенка автоматически снижает среднедушевой доход семьи»* (А. Заботкин, ЕЖ, 29.03.2025), а увеличение числа детей в семье нередко сопровождается ростом кредитной нагрузки (РБК... 26.07.2024). В контексте борьбы с бедностью Росстат пересматривает методологию анализа финансового положения домохозяйств и разрабатывает отдельную программу обследования семей с детьми (РБК... 03.05.2024).

Важным направлением обсуждений становится и развитие системы здравоохранения в контексте народосбережения и воспроизводства населения. Усиливается информационный сегмент, связанный с поддержкой репродуктивного здоровья. В частности, Минздрав рекомендует направлять беременных женщин на консультации к психологам для снижения риска осложнений, формирования позитивных установок на вынашивание и рождение ребенка, а также профилактики послеродовой депрессии. Одновременно повышаются требования к отчетности федеральных медицинских центров о работе с беременными, роженицами и младенцами с целью выявления проблем в системе их сопровождения. При этом на фоне задач по повышению рождаемости и развитию высокотехнологичной медицинской помощи в публичном дискурсе фиксируется и ряд противоречий. Эксперты обращают внимание на дефицит кадров в сфере родовспоможения и закрытие родильных домов, фельдшерско-акушерских пунктов и женских консультаций, прежде всего в сельской местности, в рамках оптимизации расходов сферы здравоохранения (РБК... 19.08.2024, 10.01.2025).

Отдельный блок дискуссий связан с образованием детей. Здесь можно выделить несколько направлений. Во-первых, обсуждается рост конкуренции

при поступлении в вузы вследствие увеличения числа выпускников — представителей более многочисленных поколений, рожденных после 2007 г., при сохранении количества бюджетных мест на прежнем уровне, усложнении правил приема и росте стоимости обучения. Во-вторых, поддержка доступа к образованию рассматривается как одна из мер помощи многодетным семьям. В публичном поле обсуждаются различные инструменты — образовательные сертификаты, гранты и льготные кредиты на оплату обучения (Н. Анисимов, ЕЖ, репост канала inside hse, 26.04.2024; Октагон, 23.09.2024).

В целом дискурс убедительных мер можно охарактеризовать как относительно консенсусный. Необходимость повышения уровня жизни семей и расширения мер поддержки редко подвергается принципиальному сомнению, что отражается и в положительных регистрах факторных нагрузок. Вместе с тем в экспертной среде звучат опасения относительно ограниченности ресурсов и рисков дисбаланса между различными направлениями поддержки. Обсуждается, в частности, не приведут ли многочисленные предпочтения для отдельных категорий к искажению образовательной системы (А. Шалимов, ЕЖ, 14.01.2025), а также насколько предлагаемые меры способны работать в существующих социально-экономических условиях.

Наконец, в дискуссиях периодически возникает и более жесткая позиция, предполагающая переход от рекомендательных мер к обязательным. «...*Предыдущие меры* <по увеличению числа многодетных семей> *не выстрелили... Берем указ Президента от 23.01.2024 № 63... Меняем рекомендательные пункты на обязательные*» (Н. Кричевский, ЕЖ, 03.03.2025).

Заключение

В статье проведен анализ медиадискурса, посвященного семейно-демографической политике в современной России. Рассмотрение публичных сюжетов позволило выделить три основных типа мер воздействия на семейно-репродуктивное поведение: принудительные, манипулятивные и убедительные. Каждый из них отражает различную логику государственного воздействия на сферу семьи: от прямых ограничительных инициатив до символического конструирования социальных норм и рациональных попыток улучшения условий жизни семей.

Дискурсы принуждения, представленные в публичной повестке, включают предложения и инициативы, предполагающие прямое или косвенное вмешательство в семейно-демографическое поведение. Они выполняют функцию демаркации границ допустимого, обозначая нормы, отклонение от которых может повлечь санкции или ограничения. В этом смысле подобные инициативы близки к описанным М. Фуко инструментам дисциплинарной власти, направленным на контроль поведения индивидов и семей. Однако разрозненность мнений различных акторов позволяет рассматривать такие меры скорее как элемент символической конкуренции

за формирование политической повестки, чем как устойчивый инструмент государственной политики. Представители религиозных институтов и правоохранительных органов выступают в роли хранителей традиционных ценностей и нравственных арбитров, главы регионов стремятся продемонстрировать быстрые демографические результаты, а депутаты обозначают свое участие в формировании актуальных политических тем.

Манипулятивные меры соотносятся с тем, что в терминологии М. Фуко можно описать как правительственные (регулятивные) практики и формы «мягкой силы». Они направлены на конструирование и популяризацию социально одобряемых моделей семейно-демографического поведения. Через апелляции к «традиционным ценностям», ответственности родителей, нормам брачности и многодетности формируются нормативные ожидания относительно «правильных» жизненных стратегий. Подобная риторика позволяет государству влиять на социальные установки без прямого административного давления, снижая тем самым уровень экспертной критики. В то же время часть подобных инициатив воспринимается как не вполне соответствующая реальному социально-экономическому положению семей и жизненным стратегиям различных социальных групп, особенно молодых. В этом смысле манипулятивные дискурсы нередко выполняют функцию перераспределения ответственности за демографические риски с государства на индивидуальный уровень.

Убедительные меры, напротив, связаны с попытками улучшения реальных условий жизни семей. К ним относятся инициативы в сфере жилищной политики, поддержки доходов, здравоохранения, образования и развития социальной инфраструктуры. В логике анализа М. Фуко такие меры можно отнести к рациональным формам управления, поскольку они исходят из признания структурных факторов демографического поведения. В частности, предполагается, что решение жилищной проблемы молодых семей, сокращение социально-экономического неравенства, развитие доступной системы родовспоможения, детской медицины и образования способны оказывать позитивное влияние на рождаемость и благополучие детей. Однако реализация подобных мер требует значительных финансовых и институциональных ресурсов. В этой связи убедительные меры выступают скорее как долгосрочная стратегия, тогда как принудительные и отчасти манипулятивные инициативы могут рассматриваться как относительно малозатратные способы символической стабилизации повестки.

Таким образом, анализ медиадискурса показывает, что современная демографическая политика формируется в поле символической конкуренции между различными подходами к регулированию семейно-демографического поведения. В публичной повестке одновременно сосуществуют три режима воздействия — принуждение, манипуляция и убеждение, каждый из которых опирается на собственную логику интерпретации демографических проблем и набор инструментов их решения.

Несмотря на насыщенность и противоречивость обсуждений, медиапространство выступает не столько площадкой выработки комплексных решений, сколько механизмом «зондирования» границ возможного воздействия государства на частную сферу семьи и оценки потенциальной общественной реакции на предлагаемые инициативы.

Выражение признательности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–78–00190, <https://rscf.ru/project/24–78–00190/>.

Редакция благодарит программу «Университетское партнерство» за поддержку и возможность опубликовать данную статью.

Материалы для анализа

Распоряжение Правительства РФ (2025) *Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики и поддержки многодетности в России до 2036 г.* № 615-р от 15.03.2025.

Указ Президента РФ (2024) *О мерах социальной поддержки многодетных семей*, № 63 от 23.01.2024.

Федеральный закон (2024а) *О внесении изменений в статьи 127 и 146 Семейного кодекса Российской Федерации*, № 405-ФЗ от 23.11.2024.

Федеральный закон (2024б) *О внесении изменений в ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях*, № 401-ФЗ от 23.11.2024.

Федеральный закон (2024с) *О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ*, № 118-ФЗ от 29.05.2024.

Федеральный закон (2025) *О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»*, № 249-ФЗ от 23.07.2025.

Письмо Министерства здравоохранения РФ (2024) *О направлении методических рекомендаций по диспансеризации мужчин и женщин репродуктивного возраста с целью оценки репродуктивного здоровья*, № 17–6/И/2–6434 от 08.04.2024.

ЕЖ (2024, 2025) Доступно по ссылке: <https://t.me/ejdailyru> (дата обращения: 31 марта 2025).

Московский комсомолец (2025) Доступно по ссылке: https://t.me/mk_ru/79379 (дата обращения: 9 марта 2025).

Октагон (2024) Доступно по ссылкам: <https://t.me/octagonmedia/19045> (дата обращения: 23 сентября 2024).

Парламентская газета (2024) *За пропаганду домашнего насилия предлагают штрафовать. Интервью заместителя председателя Комитета Госдумы РФ по науке и высшему образованию К. Горячевой*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3SZffV> (дата обращения: 11 декабря 2024 г.).

РБК.Новости.Главное (2024, 2025) Доступно по ссылке: https://t.me/rbc_news (дата обращения: 31 марта 2025).

Российская газета (2025). *Госдума поддержала проект об общежитиях для семейных студентов*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3SWSmf> (дата обращения: 23 сентября 2025).

Росстат (2022) *Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения*. Доступно по ссылке: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 21 апреля 2025).

ТАСС (2024) *Более половины опрошенных молодых семей имеют бытовые кредиты*. Доступно по ссылке: <https://tass.ru/obschestvo/19955989> (дата обращения: 11 февраля 2024).

Учебный комитет РПЦ (2025) *Издательство Московской Патриархии выпустило книгу «Деструктология»*. Доступно по ссылке: <https://clck.ru/3SZfjM> (дата обращения: 21 апреля 2025).

Список источников

Багирова А. П. (2021) Ресурсы российской пронаталистской политики: классификация и методические принципы исследования. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Социально-экономические науки*, 14 (2): 21–28.

Биккинина Д. Д. (2025) *Семейная повестка в политическом дискурсе: современные тенденции и способы формирования*. Дисс. к. с. н., Москва.

Загорец В. С., Загорец И. В. (2014) Демографическая политика: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности. *Журнал международного права и международных отношений*, 2 (69): 71–79.

Пивоваров А. М. (2024) Социальное управление рождаемостью: биополитика или общественный договор? *Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование*, 14–16 ноября 2024 г. СПб: Скифия-принт.

Пономарев Н. Ф. (2013) Медиарефрейминг как ключевая дискурсивная стратегия. *Власть*, (9): 93–97.

Синельников А. Б. (2022) Семейно-демографическая политика и пути повышения ее эффективности. *Социология*, (2): 162–173.

Фуко М. (2010) *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году*. СПб.: Наука.

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. (2021) Антиабортная повестка в консервативном дискурсе современной России: идеологические кампании, правовые инициативы и региональные практики. *Демографическое обозрение*, 8 (2): 27–50.

Янак А. Л. (2025) Семейно-демографическая повестка в Telegram: дискурсивные векторы Года семьи. *Журнал исследований социальной политики*, 23 (4): 641–656.

Alina Yanak

TYOLOGY OF MEASURES TO INFLUENCE FAMILY DEMOGRAPHIC BEHAVIOR: ANALYSIS OF THE CURRENT AGENDA

In 2024, declared the Year of the Family in Russia, the family and demographic agenda expanded significantly within the national information landscape. Various initiatives and proposals aimed at influencing family and reproductive practices were discussed extensively in the media. The diversity of emerging debates and policy initiatives requires systematic organization and analytical interpretation. To this end, in April 2025, the author conducted a content analysis aimed at identifying the main themes of the public agenda relating to family and demographic policy. This article examines the public discourse surrounding measures intended to influence family and reproductive behavior in contemporary Russia. The empirical basis of the study consists of materials from federal and regional mass media, expert commentaries, and public statements by government officials and other stakeholders published in 2024–2025. Analysing media narratives enabled the author to reconstruct the key lines of discussion within demographic policy and to identify the interpretive frameworks through which different initiatives are presented in the public sphere. Methodologically, the study relies on discourse analysis and draws on conceptual approaches to the study of power and the governance of social behavior, particularly Michel Foucault's ideas of disciplinary power and governmental practices. The analysis identifies three main types of measures used to influence family and demographic behavior: coercive, manipulative, and persuasive. Coercive measures include initiatives that imply direct or indirect restrictions on individual choice regarding family life and reproduction, serving to delineate the boundaries of socially acceptable behavior. Manipulative measures operate through symbolic governance and the promotion of socially approved models of family life, including the promotion of traditional values, marriage, and large families. In contrast, persuasive measures focus on improving families' real living conditions and include initiatives in housing policy, healthcare, education, and social support. This study demonstrates that contemporary demographic discourse is shaped by the interaction and competition between different stakeholders and their interpretations of demographic challenges. The media sphere functions as a space of symbolic contestation between alternative approaches to regulating family and reproductive behavior. Often, the discussions about initiatives serve as a way of 'esting' the boundaries of permissible state intervention in the private realm of family life. The proposed typology enables the diverse measures of demographic policy to be systematised and provides a clearer understanding of how the public agenda in this field is constructed.

Alina Yanak — Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow, Assoc. Prof., Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation. Email: alinayanak91@yandex.ru

Keywords: family and demographic policy, demographic discourse, media agenda, reproductive behavior, policy instruments

Citation: Yanak A. (2026) Tipologiya mer vozdeystviya na semeyno-demograficheskoe povedenie: analiz aktual'noy povestki [Typology of Measures to Influence Family Demographic Behavior: Analysis of the Current Agenda]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 24 (1): 67–86.

DOI: 10.17323/727-0634-2026-24-1-67-86

References

- Bagirova A. P. (2021) Resursy` rossijskoj pronatalistskoj politiki: klassifikaciya i metodicheskie principy` issledovaniya [Resources of the Russian Pronatalist Policy: Classification and Methodological Principles of Research]. *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences], 14 (2): 21–28.
- Bikkinina D. D. (2025) *Semeynaya povestka v politicheskom diskurse: sovremennye tendentsii i sposoby formirovaniya* [Family Agenda in Political Discourse: Current Trends and Ways of Formation]. Abstract of the Dissertation of the Candidate of Sciences. Moscow.
- Chernova Z., Shpakovskaya L. (2021) Antiabortnaya povestka v konservativnom diskurse sovremennoy Rossii: ideologicheskie kampanii, pravovye initsiativy i regional'nye praktiki [The Anti-abortion Agenda in the Conservative Discourse in Russia: Ideological Campaigns, Legal Initiatives and Regional Practices]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 8 (5): 27–45.
- Foucault M. (2010) *Rozhdenie biopolitiki Kurs lekcij, pročitannyx v kollezh de Frans v 1978–1979* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Pivovarov A. M. (2024) Sotsial'noe upravlenie rozhdaemost'yu: biopolitika ili obshchestvennyy dogovor? [Social Birth Control: Biopolitics or Social Contract?] *Sotsiologiya v menyayushchemsya mire: teoriya, praktika, obrazovanie* [Sociology in a Changing World: Theory, Practice, Education], 14–16 November 2024. Saint-Petersburg: Skifiya-print.
- Ponomarev N. F. (2013) Mediafreiming kak klyuchevaya diskursivnaya strategiya [Mediaframing as the Key Discursive Strategy]. *Vlast'* [Power], (9): 93–97.
- Sinel'nikov A. B. (2022) Semejnodemograficheskaya politika i puti povysheniya yeyo effektivnosti [Family Demographic Policy and Ways to Improve Its Effectiveness]. *Sotsiologiya* [Sociology], (2): 162–173.
- Yanak A. (2025) Semeyno-demograficheskaya povestka v Telegram: diskursivnye vektory Goda sem'i [Family and Demographic Agenda on Telegram: Discursive Vectors of the 'Year of the Family']. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 23 (4): 641–656.
- Zagorets V. S., Zagorets I. V. (2014) Demograficheskaya politika: metody i instrumentariy, opyt primeneniya i analiz effektivnosti [Demographic Policy: Methods and Instruments, Application Experience and the Analysis of Effectiveness]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy* [Journal of International Law and International Relations], (2): 71–79.